
В. И. ПАНТИН

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ СДВИГИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

В статье с позиций социоестественной истории и цивилизационного подхода рассматриваются некоторые важные причины и последствия социально-демографических и культурно-цивилизационных сдвигов, происходящих в современном мире. К числу таких сдвигов относятся глобальная миграция, быстрое изменение этнического состава западных стран и России, деградация семьи и образования, распространение радикальных течений ислама по всему миру. Показано, что эти процессы ведут к трансформации и фрагментации западных и российского обществ, к развитию острых и долговременных конфликтов. В то же время последствия «арабской весны» сопровождаются региональной и глобальной дестабилизацией, связанной с усилением радикального ислама и международного терроризма. Для противодействия этой угрозе необходимо объединение усилий ведущих стран мира, которое пока отсутствует из-за попыток западных государств направить радикальный ислам против России и Китая.

Ключевые слова: *глобальная миграция, социально-демографические сдвиги, кризис семьи и образования, радикальный ислам, социальные конфликты, политическая дестабилизация.*

Последствия массовой инокультурной миграции

В последние десятилетия на нашей планете происходят важные социально-демографические и культурно-цивилизационные сдвиги, связанные с неблагоприятными природными изменениями, а также с неравномерностью демографического перехода в разных регионах мира. Цель данной статьи состоит в том, чтобы с использованием методологии социоестественной истории (СЕИ) (Кульпин 1990; 1996; 2008) и других подходов проанализировать результаты этих глобальных сдвигов, которые будут иметь масштабные и дол-

современные последствия. Такого рода исследование имеет существенное значение как для понимания сегодняшней ситуации в разных частях мира, так и для прогнозирования вероятных конфликтов и противоречий в ближайшем будущем.

Как известно, в условиях современной глобализации резко ускоряются и интенсифицируются процессы глобальной миграции, которые в итоге ведут к серьезным и долговременным демографическим, социокультурным и социально-политическим сдвигам. Международная миграция растет абсолютно и относительно: общая численность международных мигрантов составила в 2000 г. более 175 млн человек, а их доля в населении Земли – 2,9 % против устойчивых 2 % в 1965–1990 гг. (International... 2002). При этом основные потоки миграции идут из развивающихся стран в страны развитые, и вызваны они тем, что в развивающихся странах происходят неблагоприятные природные изменения, ухудшение продовольственной ситуации (например, опустынивание на Ближнем Востоке и в Северной Африке) и значительный демографический рост, а в развитых странах наблюдается стабилизация или уменьшение численности коренного населения. Таким образом, нарастание интенсивности глобальной миграции во многом связано с природными изменениями и неравномерностью демографического роста, присущего разным странам и различным регионам мира, с тем, что разные цивилизации находятся на различных стадиях демографического перехода (Акимов, Яковлев 2013).

В этой связи имеет смысл еще раз вспомнить хорошо известную концепцию «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона (Huntington 1996), но с одной существенной поправкой и важным уточнением: реальное «столкновение цивилизаций» происходит не только и даже не столько на международном, межгосударственном уровне, сколько *внутри* отдельных обществ, *внутри* отдельных государств. Речь идет о столкновении и не всегда продуктивном взаимодействии разных систем ценностей, культур, социальных и политических установок и идентичностей, связанном с массовой миграцией в страны ЕС, США, Канаду, Австралию, Новую Зеландию, Россию представителей других культур и религий из развивающихся стран (Семененко 2006). В целом ряде стран ЕС, в частности во Франции, Великобритании, Италии, Испании, уже скла-

дывается ситуация, когда в некоторых крупных городах европейцы составляют меньшинство, а доминируют выходцы из Северной Африки и Азии, а также их потомки. В связи с этим усиливается социальная напряженность, вызванная столкновением разных культур, ценностей и образов жизни. Ситуация в ближайшие десятилетия будет только усугубляться, поскольку к 2050 г. страны ЕС планируют увеличить число только легальных трудовых (в основном инокультурных) иммигрантов примерно до ста миллионов человек (Умаханов 2011), что неизбежно еще больше обострит межэтнические и межкультурные противоречия в Европе.

Россию эти процессы также затрагивают самым непосредственным образом. В ближайшие годы планируется обеспечить дальнейший массовый приток иммигрантов из государств Центральной Азии и других стран СНГ для удовлетворения потребностей российской экономики в дешевой и неквалифицированной рабочей силе: Федеральная миграционная служба подготовила «Концепцию государственной миграционной политики до 2025 года», в которой ежегодно предлагается завозить из стран СНГ минимум по 300 тысяч человек. В итоге к 2025 г. в России легально будут работать 20–30 млн иностранцев (Россия... 2012) и еще столько же будут работать нелегально. Нетрудно подсчитать, что в этом случае инокультурные мигранты будут составлять около трети населения России, что чревато многочисленными острыми конфликтами на межнациональной и межконфессиональной почве.

Массовая инокультурная миграция ведет к размыванию и утрате прежней национальной и цивилизационной идентичности. Трудно не согласиться с мнением тех, кто утверждает, что даже американский «плавильный котел» больше не работает и американская идентичность претерпевает глубокие изменения (Бьюкенен 2003; Хантингтон 2004). Еще драматичнее в перспективе выглядит ситуация во многих странах ЕС и в России. Если США (подобно Канаде, Австралии и Новой Зеландии) с самого начала своего существования были «страной эмигрантов» и выработали более или менее эффективные механизмы интеграции в американское общество инокультурных иммигрантов, то европейские страны и Россия таким опытом не обладают. В силу этого массовый наплыв легальных и нелегальных иммигрантов из стран Азии и Африки в страны

ЕС и Россию в недалеком будущем вполне реально угрожает размыванием и деградацией соответственно европейской (французской, британской, немецкой и т. д.) или российской идентичности. Деградация же национальной идентичности опасна тем, что порождает две крайности: с одной стороны, сепаратизм и конфликты на межэтнической и межконфессиональной почве, а с другой – рост радикального национализма и ксенофобии. И то и другое ведет к ослаблению общества и государства, к потере ориентиров социального, политического, экономического и культурного развития.

В связи с этим все более остро стоит вопрос о том, можно ли научиться управлять инокультурной миграцией и предотвратить наиболее негативные ее последствия, угрожающие внутренней и глобальной безопасности. Очевидно, что в обозримом будущем США, европейские страны и Россия по-прежнему будут нуждаться в притоке рабочей силы из развивающихся стран (Bojtas 1999; Miles 2000). В то же время существуют способы регулирования процессов миграции, которые пока слабо используются в России и некоторых других странах. Сюда относятся жесткий контроль над нелегальной миграцией, включающий укрепление границы с соседними государствами, крупные денежные штрафы для предпринимателей, использующих дешевую рабочую силу нелегальных иммигрантов, а также, что еще более важно, внедрение новых технологий, повышающих производительность труда в сфере производства, строительства и в сфере услуг, более эффективное использование труда собственных граждан, а не иммигрантов. Обычно в качестве контраргументов приводятся утверждения о больших затратах на обустройство границы России с другими странами, особенно с Казахстаном и Китаем, а также сетования на нехватку неквалифицированных рабочих в самой РФ. Однако эти контраргументы отдают лукавством: они, в частности, игнорируют огромные финансовые и социальные издержки России из-за нелегальной иммиграции (контрабанда, ввоз наркотиков, рост преступности, уход от налогов, конфликты на межэтнической почве), а также тот факт, что у СССР граница была больше, чем у нынешней России, а расходы на нее были не столь уж велики. В действительности главной проблемой в сегодняшней России является борьба с криминальными, коррупционными схемами,

в которых участвуют предприниматели, местные чиновники и некоторые работники силовых структур.

Что касается легальных мигрантов, то здесь наиболее остро стоит вопрос об их социальной и культурной адаптации к условиям страны, в которую они приезжают, в частности о знании ими языка этой страны, ее правовых и культурных норм, элементарных правил совместного проживания. Сегодня в России дело с культурной адаптацией иммигрантов обстоит очень плохо: нередко мигранты из стран Центральной Азии не знают должным образом ни русского языка, ни российских законов, ни своих прав, ни обязанностей. Однако и в ряде европейских стран (и даже в США) ситуация с инокультурными мигрантами нередко обстоит немногим лучше: многие из них живут своими обособленными общинами и существуют как бы вне культурного и правового поля принимающей их страны. События последних лет в Париже, Лондоне, Стокгольме и других городах показали, что ситуация именно такова. Более того, инокультурные иммигранты и их потомки, не способные интегрироваться в принимающее их общество, нередко становятся питательной почвой для радикальных религиозных течений и международного терроризма. Таким образом, контроль над нелегальной миграцией и адаптация мигрантов являются общими, глобальными проблемами, и невнимание к этим проблемам со стороны ведущих государств уже в ближайшем будущем грозит обернуться серьезными социальными конфликтами и потрясениями.

Социально-демографические и культурно-цивилизационные сдвиги в странах Запада и в России

С массовой инокультурной миграцией тесно связаны социально-демографические и культурно-цивилизационные сдвиги в западных странах и в России. Дело в том, что не только сами иммигранты, но и их потомки сохраняют многие особенности, присущие жителям тех стран, откуда они прибыли. В частности, поскольку рождаемость в странах Азии, Африки, Латинской Америки гораздо выше, чем в Европе, США или России, то она выше и у потомков иммигрантов в первом, втором и даже в последующих поколениях. А это неизбежно ведет к постоянному изменению этнического состава населения более развитых стран, к изменению баланса раз-

личных культурных ценностей, социально-политических норм и ориентаций. Кроме того, заметную роль в разрушении семьи и традиционных нравственных ценностей в западных обществах играет агрессивная политика, направленная на распространение гомосексуализма и однополых браков. Упомянутые социально-демографические и культурно-цивилизационные сдвиги происходят чрезвычайно быстро. Если до 1990 г. гомосексуализм официально считался Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) психической болезнью, то под напором представителей сексуальных меньшинств, в том числе входящих в органы власти, он был вычеркнут из списка психических заболеваний. Более того, защита прав сексуальных меньшинств стала чуть ли не основой западной демократии и главным тестом на толерантность. Все это ведет к серьезным переменам в западных обществах, к деградации семьи, нарушению вековых социальных и нравственных устоев, к тому, что, теряя единый ценностный фундамент, эти общества становятся внутренне более гетерогенными, фрагментированными и разобщенными (Элиас 2001; Бауман 2002).

Если в среде коренного населения западноевропейских государств и отчасти в США происходит фактическое разрушение семьи, наблюдается эрозия традиционных ценностей, легализуются и становятся общественной нормой однополые браки с правом усыновления детей (вспомним недавнее принятие закона о легализации однополых браков во Франции), возникают движения типа "child free" (свобода от детей), а кое-где (например, в Голландии) допускается и пропаганда педофилии, то в среде иммигрантов из Африки и Ближнего Востока, в основном исповедующих ислам, дело обстоит совсем по-другому. Среди выходцев из исламских стран доминируют социальные нормы, включающие прочную моногамию или многоженство и большое количество детей; то же самое характерно и для значительной части их потомков в первом, втором и даже третьем поколении. Очевидно, что такая ситуация напоминает мину замедленного действия: через несколько поколений демографический, этнический и культурно-цивилизационный баланс в странах Западной Европы резко изменится, и доминировать станут отнюдь не представители коренного населения этих стран со своими либеральными и демократическими ценностями, а совсем другие люди с совершенно иной системой ценностей.

Еще одной серьезнейшей проблемой и реальной угрозой национальной безопасности во многих развитых странах, а также в России становится упрощение, примитивизация образования и культуры в целом. Казалось бы, какая связь между системой образования и национальной безопасностью? Но вспомним высказывание, часто приписываемое «железному канцлеру» Отто Бисмарку: «Битву при Садовой выиграл прусский школьный учитель» (в действительности эти слова принадлежат Оскару Пешелю и звучат буквально следующим образом: «Народное образование играет решающую роль в войне... когда пруссаки победили австрийцев, то это была победа прусского учителя над австрийским школьным учителем»). Сам же Бисмарк говорил следующее: «Отношение государства к учителю – это государственная политика, которая свидетельствует либо о силе государства, либо о его слабости». Поэтому упрощение, деградация системы образования свидетельствует о слабости государства и непосредственно угрожает национальной безопасности. К сожалению, в настоящее время деструктивные процессы в школьном и высшем образовании в той или иной мере происходят в России, других странах СНГ, странах ЕС, США, Японии и ряде других государств (Тоффлер Э., Тоффлер Х. 2008: 474–519).

В России проблемы со средним и высшим образованием очевидны, о них много говорится, хотя по мере проведения реформ в образовании и, в частности, внедрения ЕГЭ ситуация в целом лишь усугубляется. Но в США и Европе также существуют серьезные проблемы с образованием. Так, в США стоимость обучения в колледже с 1978 г. по 2010 г. выросла более чем на 900 %, причем в 2010 г. две трети студентов колледжей учились за счет студенческих кредитов, то есть денежных средств, взятых для обучения. Одна треть всех выпускников вузов в США в конечном итоге занимается работой, не требующей высшего образования (в 2010 г. в США работали более 100 тысяч дворников с законченным высшим образованием, 317 тысяч официантов и официанток с высшим образованием, около 365 тысяч кассиров с высшим образованием и т. п.) (Сто причин... 2011). Исследования школ в Великобритании, Франции и США показали ухудшение качества образования на фоне многочисленных разговоров о переходе к «экономике зна-

ний» (Скоров 2006). Исследования показывают падение в развитых странах престижности труда не только в сфере образования, но и науки, особенно на фоне галопирующего роста доходов в финансовом секторе экономики (Мельянцев 2009: 8).

Разумеется, и в США, и в странах ЕС, и в России существуют отдельные школы и университеты, готовящие действительно высококвалифицированные кадры, интеллектуальную, техническую и политическую элиту. Но реальная угроза целостности и безопасности общества заключается в растущем разрыве между образованием для элиты и большинства населения. Такой разрыв чреват тем, что интеллектуальная, культурная и политическая элита будет говорить на одном языке, а подавляющая часть населения, включая большое количество инокультурных мигрантов, – на другом. Это прямой путь к образованию революционной контрэлиты, заинтересованной в разрушении общественных институтов, и к последующему распаду общества и государства.

Для того чтобы по-настоящему реформировать систему образования и сделать ее современной, совершенно недостаточно информатизировать школы и вузы или даже лучше их финансировать. Нужно добиться самого главного – усилить мотивацию к образованию у школьника и студента, наладить контакт между учащимся и преподавателем, научить человека учиться и мыслить, ориентироваться в море информации, критически к ней относиться, а не пассивно ее потреблять. Нужно также создать условия не только для массовой, но и для индивидуальной работы преподавателя с учеником или студентом. Пока что до этого весьма далеко; более того, в результате непродуманных реформ нередко процессы в образовании идут в прямо противоположном направлении. Особую тревогу вызывают относительное (а иногда и абсолютное) сокращение выделяемых средств на образование в некоторых странах ЕС (например, в Греции, Испании, Латвии), а также в России в связи с экономическими трудностями и кризисами, слияние школ и вузов в целях «экономии» на их укрупнении, повышение платы за образование, его коммерциализация и превращение в некую «сферу услуг». Очевидно, что подобные процессы приведут лишь к еще большему отчуждению большинства населения от реальных знаний, к разобщению разных социальных групп, к тому, что вместо квалифицированных работников и профессионалов в обществе бу-

дут доминировать массы неквалифицированных, асоциальных, незнакомых с подлинной культурой и подверженных влиянию экстремистских идеологий людей, пусть даже с аттестатами и дипломами в кармане.

«Арабская весна» и дестабилизация Большого Ближнего Востока

Долговременные последствия «арабской весны», начавшейся в 2011 г. с революций в Тунисе и Египте, в данном контексте приходится рассматривать не изолированно, а наряду с другими вызовами и угрозами не только национальной или региональной, но и глобальной безопасности. Дело в том, что драматические события на Ближнем Востоке и в Северной Африке (достаточно упомянуть события в Ливии или Сирии) вызваны целым рядом экономических, социальных, политических и культурно-цивилизационных факторов и имеют далеко идущие последствия, затрагивающие различные сферы жизни общества. Среди этих факторов, имеющих социоестественную природу, значительную роль сыграли бурный рост населения арабских стран, вызванный уменьшением детской смертности, появление большого количества молодежи с относительно высоким уровнем образования, не способной найти работу в соответствии со своей квалификацией, процессы опустынивания на Ближнем Востоке и в Северной Африке, рост цен на продовольствие после кризиса 2008–2009 гг., который резко ухудшил и без того тяжелое положение широких слоев населения арабских и других исламских стран. Все эти факторы имеют долговременный характер и будут действовать, по крайней мере, на протяжении всей первой половины XXI в.

Обычно непосредственные причины, ставшие толчком к событиям «арабской весны», объясняют усталостью населения от длительного существования авторитарных режимов с долго правившими лидерами вроде Мубарака или Каддафи. При этом, однако, остается в тени тот факт, что все арабские монархии, где короли и королевские семьи правят гораздо дольше, остаются целыми и невредимыми, население их терпит, несмотря на отнюдь не демократические формы правления. И дело здесь не только и не столько в наличии нефти: так, в богатой нефтью Ливии режим Каддафи был свергнут, а в Иордании, где нефти нет, монархический режим уце-

лел. Разгадка этого парадокса заключается в том, что почти все монархи на Ближнем Востоке являются либо отдаленными потомками пророка Мухаммеда, либо тесно связаны с исламистами. Поэтому в действительности смысл большинства арабских революций состоит в том, что разбуженные массовым недовольством низов более или менее радикальные исламисты начали бороться со светскими режимами и устанавливать свою власть. Иными словами, радикальный ислам с его глобальными притязаниями оказался разбужен, и возникла реальная угроза безопасности многих стран.

Между тем выдающийся британский историк и философ А. Дж. Тойнби еще в середине XX в. предупреждал о непредсказуемых последствиях пробуждения радикального ислама: «Панисламизм пассивно дремлет, но мы должны считаться с возможностью того, что Спящий проснется... Этот призыв может иметь непредсказуемые психологические последствия – разбудить воинствующий дух ислама, даже если он дремал дольше, чем Семеро Спящих, ибо он может пробудить отзвуки легендарной героической эпохи» (Тойнби 1996: 128). Под «легендарной героической эпохой» Тойнби имел в виду эпоху обширных завоеваний арабами в VII–IX вв. под знаменем ислама и создания Халифата. Тойнби даже указал на то «дремлющее» радикальное течение в исламе, которое, будучи разбуженным, может сыграть роль детонатора: это течение – ваххабизм.

Многие западные политики, преследуя свои собственные цели, рассчитывают, что исламский мир никогда не объединится, поскольку существуют непримиримые противоречия между суннитами и шиитами, радикальным и умеренным исламом. Во многом это так, но исламу необязательно объединяться, чтобы бросить вызов глобальной безопасности. Ячейки «Аль-Каиды», разбросанные по всему миру, вряд ли смогут захватить власть в большинстве европейских и азиатских стран, но вполне в состоянии дестабилизировать политическую ситуацию в этих странах, включая Россию. Радикальные исламские группировки постоянно подпитываются деньгами и оружием, которые идут из многих стран, включая Саудовскую Аравию и Катар; последние две страны получают современное оружие прежде всего из США и Западной Европы. Являются ли действия западных политиков, не так давно поддержавших

боевиков в Ливии и поддерживающих их в Сирии, дальновидными? Не происходит ли на наших глазах полная исламизация Большого Ближнего Востока? Не будет ли означать победа боевиков над режимом Б. Асада ликвидацию последнего светского режима в арабском мире и – шире – на всем Большом Ближнем Востоке? В Афганистане после ухода американских войск вполне вероятно победа талибов, воюющих под знаменем радикального ислама. И куда дальше пойдут радикальные исламисты – в обладающий ядерным оружием Пакистан, который они и так уже наполовину контролируют, в Северную и Тропическую Африку, в страны Центральной Азии, на российский Северный Кавказ? Во всяком случае, весьма вероятно, что радикальные исламисты и международные террористы уже нацелились на страны Центральной Азии и на российский Северный Кавказ (Бадерхан 2011). Как бы то ни было, несмотря на все трения и различия политических позиций стран Запада и России, осознание общей угрозы рано или поздно должно способствовать объединению США, России и стран ЕС для более эффективного и более последовательного противостояния международному терроризму. После террористических актов в Бостоне в апреле 2013 г. для этого открываются новые возможности.

Литература

Акимов, А. В., Яковлев, А. И. 2013. *Цивилизации в XXI веке: проблемы и перспективы развития*. М.: Изд-во МГУ.

Бадерхан, Ф. 2011. Место российского Кавказа во второй мировой перестройке, начатой в арабском мире. В: Горшков, М. К., Дибиров А.-Н. З. (ред.), *Двадцать лет реформ: итоги и перспективы* (с. 147–152). М.; Махачкала: Логос.

Бауман, З. 2002. *Индивидуализированное общество*. М.: Логос.

Бьюкенен, П. Дж. 2003. *Смерть Запада*. М.: АСТ.

Кульпин, Э. С.

1990. *Человек и природа в Китае*. М.: Наука.

1996. *Бифуркация Запад – Восток. Введение в социоестественную историю*. М.: Московский лицей.

2008. *Золотая Орда: Судьбы поколений*. М.: ИНСАН.

Мельянцеv, В. А. 2009. Сдают ли развитые страны свои позиции? *Мировая экономика и международные отношения* 12: 3–18.

Россиян заменят мигрантами? 2012. *Аргументы и факты* 3: 1.

Семененко, И. С. 2006. Интеграция инокультурных сообществ в развитых странах. *Мировая экономика и международные отношения* 11: 57–71.

Скоров, Г. Е. 2006. Франция 2006 – реформа или революция? *Мировая экономика и международные отношения* 11: 72–75.

Сто причин кризиса в США. 2011. URL: <http://krizis-kopilka.ru/archives/6958>.

Тойнби, А. Дж. 1996. *Цивилизация перед судом истории*. М.; СПб.: Прогресс, Культура.

Тоффлер, Э., Тоффлер, Х. 2008. *Революционное богатство*. М.: АСТ.

Умаханов, И. 2011. *Прививка от ненависти*. URL: <http://www.rg.ru/2011/08/16/a514453.html>.

Хантингтон, С. 2004. *Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности*. М.: АСТ.

Элиас, Н. 2001. *Общество индивидов*. М.: Праксис.

Borjas, G. 1999. *Heaven's Door: Immigration Policy and the American Economy*. Princeton: Princeton University.

Huntington, S. 1996. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster.

International Migration Report. 2002. Geneva. URL: www.un.org.

Miles R. G. 2000. Without Immigrants Germany will Shrink. *Wall Street Journal (Europe)* 29 August.